

© Слободяник Н. Б., 2007

Солопова О. А.
Челябинск, Россия
**КРИЗИС «НАСТОЯЩЕГО»
В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ**

Abstract

The present article deals with the problem of modeling "the present moment" in Russian political discourse. The author argues that the fact of predominantly negative representation of "the present moment" can be explained not only by some objective factors existing in Russian political reality but also by peculiarities of Russian culture and human perception of time.

*Прошлое страстно глядится в грядущее.
Нет настоящего. Жалкого нет.*

А. Блок

Изучение концептуальной метафоры привлекает к себе внимание многих современных исследователей, поскольку позволяет раскрыть когнитивные механизмы осмысления и моделирования действительности посредством языка. Одной из важнейших сфер бытия человека социального является политический дискурс, представленный многими жанрами и тематическими областями. Борьба за власть, составляющая суть политического дискурса, неизбежно требует сравнения данной политической ситуации с некоторым положением дел раньше, теперь и в будущем. Среди исследований метафорического моделирования огромное количество работ посвящено изучению настоящего момента политической действительности: развитию тех или иных метафорических моделей, исследованию концептосфер, тематических областей, конкретных политических событий, идиостилей и др. (В. Н. Базылев, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, И. М. Кобозева, В. Г. Костомаров, Н. А. Кузьмина, Н. А. Купина, Т. Г. Скребцова, А. П. Чудинов, G. Fauconnier, L. B. Hinds, G. Lakoff, M. Turner, T. O. Windt). Менее изученным является моделирование образов прошлого (F. J. Antzac, D. Graber, I. Hellsten, R. Paris, R. Slaughter, M. E. Stuckley) и будущего (П. Бурдые, Шмелева, D. Graber, A. Judge, P. Watzlawick, M. Zdenek). В частности, вне поля зрения ученых осталось метафорическое пред-

ставление триады базовых темпоральных отрезков «прошлое – настоящее – будущее» в целом, в совокупности аксиологической значимости данных темпоральных концептов для социума, а также влияние образов прошлого и будущего на формирование и концептуализацию образа настоящей действительности.

Исследователи современного политического дискурса неизменно отмечают, что при моделировании современной действительности наибольшее развитие получают модели (их отдельные фреймы и слоты) с концептуальными векторами жестокости, агрессивности, соперничества, неестественности, отклонения от естественного порядка вещей, возбуждающие агрессивное состояние адресата, которые, негативно представляя предмет речи, создают в предвыборном дискурсе образ враждебной политической реальности.

Используя концептуальные метафоры, политики и публицисты осуществляют «смысловую перепланировку мира» читателя, его рефреймирование [Иссерс 1999: 240]. Проводя многозначное событие через тот или иной метафорический «оценочный фильтр», интерпретируя его в рамках определенной концептуальной модели, политические деятели и СМИ представляют настоящее в светлых или темных красках: одни и те же концепты могут приобретать в зависимости от задач политика как позитивную, так и негативную эмоциональную окраску.

При создании образа «светлого настоящего» подчеркиваются размах и всеохватность позитивных преобразований, определяемых профессиональным чутьем пребывающего у власти правительства и пониманием им насущных проблем общества, выдвигается на первый план нужная информация, «способная представить их в выгодном свете и отвлечь внимание общественности от информации, способной нанести ущерб их интересам» [Чудинов 2003: 57]. Однако заявлений подобного плана немного на страницах периодической печати:

- *Либеральный патриотизм – патриотизм деятельный: мы выстраиваем страну, которая стоит того, чтобы здесь жить, работать и растить детей (предвыборная программа партии СПС (2003);*
- *Политическая система России, мне*

кажется, выздоровливает, взрослеет (Е. Шишкунова // Газета, 02 сент. 2003).

Метафоры, продуцирующие образы «светлого настоящего», как правило, стерты, «бесцветны», не рожают манящих образов прекрасного настоящего, в котором так хочется жить и восклицать: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!».

Позитиву всегда противопоставляется негативный полюс. Он гораздо более насыщен и образен. При метафорическом отображении настоящей действительности метафоры с негативным оценочным потенциалом создают отталкивающую, порой пугающую картину проживаемой нами реальности. Сферы-источники разнообразны. В «темной» метафорической картине настоящего варьируются различные оттенки: от мрачно-серого до бездонно черного:

- Мы в тупике, страшном, безнадежном, глухом, куда завели нас слепые поводыри, увечные и хромы проводники, злые обманщики и невежды. Горбачев, пустой, целлулоидный, наполненный трескучим горюхом. Ельцин, тупой, как изрубленная топором колода, какие стоят на рынках в мясных отделах. Путин, покрытый из пульверизатора золотой пылью, оставшейся от реставрации кремлевских дворцов (А. Проханов // Завтра, 21 окт. 2003);

- Страна разлагается, другого не скажешь, и никакие валовые продукты ее не спасут, потому что это разложение касается души государства (И. Винниченко // Журнал социологии и социальной антропологии, Т.2 №1, 06 дек. 2006);

- Завершается «предвыборная кампания» на ТВ. Она стала публичным физиологическим актом путинской власти. То есть власть 4 года тужилась, пыхла, надувала щеки, делала важный вид. И вот, наконец, облегчилась. Средства массовой коммуникации загодя были переоборудованы в систему канализации. Через телеканализацию осуществлялся слив на мозги электората всего выношенного, высиженного властью. Смысл и существование большинства телеперсонажей оказался в целевом накоплении внутренних нечистот «против КПРФ». Пожирать страну и копить внутри себя грязь – вот предназначение «Еды» и ее «журналистов» (А. Ефремов // Завтра, 03 дек. 2003);

- Я попал на работу в, скажем так, южные регионы нашей Родины и понял, что детская мечта сбылась: у меня появился собственный зоопарк. В нем есть гиены, шакалы, змеи и даже упыри, только вот львы и куропатки попадают крайне редко. Да и убивают их быстро и часто (Е. Крути-

ков // Версия, окт. 2003);

- Кончается ноябрь — самый угрюмый месяц в году, с его снеговыми тучами, осыпавшими недолговечным снегом, с осенними мелистыми далями, с непролазной грязью на дорогах и в российском (грузинском, литовском, N-ском) политическом ландшафте. Не зря говорят в народе: «В ноябре рассвет с сумерками среди дня встречается». Надвинулись мрачные сумерки сознания, замутненного телевидением (критик Наталья Иванова вопреки сетке вещания и здравому смыслу пугается, что оно становится советским), пронизывающий ветер разносит пиаровские завывания, крики тбилисской толпы и подавленное молчание москвичей и липчан, качает гигантские рекламные щиты с примелькавшимися лицами, а ложь падает крупными хлопьями и, в отличие от снега, не тает под солнцем правды и дождевыми слезами опыта. Порой, глядя в тоскливое предвыборное пространство, хочется повторить грустную фразу Чехова: «Рано или поздно правда победит. Но это — неправда...» (А. Сафаров // Советская Россия, 29 нояб. 2003);

- Б. Грызлов: Сегодняшняя бюрократия – это препятствие на пути реализации планов президента, это болото, в котором тонут все инициативы, направленные на благо страны. (А. Никольская // Газета, 10 нояб. 2003).

- Предвыборная кампания любой партии сегодня напоминает какой-то сетевой маркетинг, когда всеми силами и средствами потребителю пытаются всучить свой товар, не особенно задумываясь о том, нужен ли он потенциальному покупателю или нет. Вполне естественно, что у залежалого и попросту негодного товара может оказаться очень качественный рекламный ролик, и потом купившиеся на брошюную рекламу будут долго думать, как избавиться от своего «приобретения». Вот и кампания по выборам в Государственную думу напоминает рынок, где «продавцы», в роли которых выступают партии и кандидаты, предлагают «покупателям» – избирателям – товар в виде предвыборных программ и обещаний. Это сходство, причем именно с российским «диким» рынком, усиливается тем, что, купив некачественный товар, вернуть его обратно вы уже не сможете (С. Глазьев // Завтра, 18 нояб. 2003).

При моделировании настоящего для российского политического дискурса характерно доминирование метафор с негативным оценочным потенциалом. Разочарование в идеологии, компрометация социальных идеалов, общая нестабильность социально-политических отноше-

ний, неверие в возможность освободить общество от пороков определяют выбор метафорических единиц: концепты, присутствующие в качестве источников метафорической экспансии, представляют собой яркие знаки явной дисгармонии в обществе «мрачного настоящего».

Но неужели наше настоящее действительно настолько ужасно?

На наш взгляд, доминирование негативной оценки настоящего момента, помимо объективных причин, связано с рядом других факторов:

1) Дуализм русской культуры. В семиотических работах Ю. Лотмана и Б. Успенского вскрыты дуалистические модели русской культуры, которая обычно избегала третьего, нейтрального члена в смысловой оппозиции [Lotman, Uspensky 1985: 31, 35]. К примеру, отношение России к Западу проходило через стадии возвышения «новой» России над «ветхим» Западом (концепция «славянофилов») или принижения «ветхой» России перед «новым» Западом (концепция «западников»).

И сегодня в российском общественном мнении сосуществуют и взаимодействуют два полюса, два основных идеологических компонента, носители которых условно могут быть названы «западниками» «почвенниками».

Прозападные политики полагают, что единственный шанс для России – это реформирование и ускоренное встраивание в западную модель, в западную цивилизацию:

- Я уверен, что к 2030 году все будет хорошо. В России будут открыты границы, Россия будет в стратегическом и тактическом союзе с демократическими странами Запада. Вместе с ними она будет противостоять угрозам фундаментализма и той агрессии, которая возможна в адрес демократических стран сегодня (Л. Гозман // Телеканал «1 канал», 02 нояб. 2005);

- Россия имеет значение и будущее только тогда, когда она склоняется к своей настоящей судьбе, которой является Европа (Апология Диогена (Руководители издательства «Ad Marginem» отвечают на вопросы корреспондента «Завтра»).

Им противостоят «почвенники», которые говорят об особом русском пути и русской цивилизации:

- Развал экономики России и вопиющая неэффективность пореформенной экономики связаны как раз с тем, что про-

водники этой политики изо всех сил пытались проводить в жизнь именно те рецепты, которые советуют западные эксперты. Факт остается фактом – эти рецепты и формы отторгаются Россией как кровь чужой группы, порождают химерический симбиоз (Е. В. Гильбо // Журнал «Мост» №30, нояб. 1999);

- Я совершенно не могу понять, как может прийти в голову кому-то всерьез пытаться строить нынешнюю российскую государственность по американскому образцу. Образец прогнил до основания, трухляве как пень. И идти по его стопам – самоубийство (А. Гордон // Завтра №29 (609), 20 июля 2005).

В одной, оценочно нейтральной плоскости Россия и Запад в настоящий момент не рассматриваются и почти никогда не рассматривались.

Также в русском религиозном сознании языческие божества древности либо представлялись нечистой силой, либо сливались с образами христианских святых, но никогда не помещались в нейтральную оценочную зону. Если говорить о мире политики, то вожди – «божества» прошлого, настоящего и потенциального будущего – никогда не оцениваются современниками и последующими поколениями ни однозначно, ни нейтрально. Им либо приписывают характеристики идеальных борцов за процветание страны и народа, либо обвиняют во всевозможных грехах. К примеру, еще недавно Б.Н. Ельцин фигурировал на страницах средств массовой информации преимущественно как «преступник», «сатанист» и «расстрельщик»:

- Ельцинский период был самой жуткой, кровавой, позорной эпохой в жизни нашей страны и, наверное, всего человечества. Ельцинизм повинен в многомиллионной убыли населения; политика Ельцина была политикой неприкрытого геноцида. Этот режим и его служители — куда большие преступники, чем все нацисты, повешенные в Нюрнберге, и заслуживают суда и казни (М. Вербицкий // Завтра №43 (623), 26 окт. 2005);

- Ельцинские приближенные и их подельники разделили между собой основные источники дохода в российской экономике. Это разграбление не могли остановить ни парламент, лишенный новой Конституцией властных полномочий, ни прокуратура, фактически подчиненная президентской администрации, ни погрязшая в коррупции судебная система. Ельцинские подручные, подобно оккупантам, захватывали и при-

сваивали все, что можно было превратить в валюту на зарубежных счетах. Присвоенное чужого стало главным способом обогащения в российской экономике (С. Глазьев // *Духовность. Вера. Возрождение*, 20 окт. 2006);

- Ельцинизм привел Россию в исторический тупик, подвел ее к Пределу своего существования (А. И. Субетто // *Русская цивилизация*, 23 окт. 2005);

- В годы горбачевско-ельцинской диверсии на магистральных путях страны машинистом паровоза штабного эшелона нашей партии оказался затаившийся до поры до времени предатель. Оборотнями оказались и многие «кондукторы» состава, перешедшие на службу дегенератам (В. Чурилов // *Советская Россия*, 27 сент. 2003).

После его смерти ситуация изменилась. СМИ обвиняют себя в нелояльном отношении к первому президенту РФ, воспевая его профессиональные и личностные качества:

- Главное в Ельцине то, что он был прирожденным политиком, Политиком с большой буквы, политическим животным в самом полном и позитивном смысле этого слова. У него обостренный инстинкт власти, он чувствовал ее кончиками пальцев, кожей, каким-то шестым чувством (Е. Киселев // *Лента.ru*, 25 апр. 2007);

- Он рано ушел – во всех отношениях, этот удивительно мужской мужчина, этот невероятный политик, этот строитель-разрушитель, этот бывший партноменклатурщик-рыночник (Н. Геворкян // *Газета.ru*, 24 апр. 2007);

- Он был сильным президентом слабого государства – редчайшее сочетание. Его авторитет был непререкаем в стране, которая с 1997 года его не уважала (А. Крайчек // *Утро.ru*, 24 апр. 2007);

- Умер Борис Николаевич Ельцин – первый президент России. С этим званием он навсегда вошел в историю страны и всего мира. Ушел из жизни человек, благодаря которому началась целая эпоха. Родилась новая, демократическая Россия – свободное, открытое миру государство. Государство, в котором власть действительно принадлежит народу. Сила первого президента России заключалась в массовой поддержке его идей и устремлений гражданами страны (из обращения В. Путина к гражданам России).

В религиозном сознании русского народа всегда существовали ад и рай, но не существовало чистилища. В современном политическом дискурсе образы рая и ада часто являются некой проекцией положения дел минувших лет или

будущей реальности, а нейтральный член оппозиции – чистилище – не зафиксирован ни в едином метафорическом употреблении:

- Ныне, во тьме пребывая, терзаясь упадком всех душевных сил, должны мы раскрыть в своих сердцах и воплотить в слова видение будущего торжества России. В оккупации, на развалинах государства, на пороге новых бед — восхвалять, лелеять, ковать, сновидеть, тянуться к картинам грядущего русского Рая (Д. Тукмаков // *Завтра №36 (301)*, 07 сент. 1999);

- Ад открывался нам и в чеченской войне, и при взрывах домов в Москве и Волгодонске, при штурме театра на Дубровке и школы в Беслане. Сейчас черная пропасть ада открылась за антигрузинской истерией и убийством Анны Политковской. И это еще далеко не дно пропасти, в которую сползает страна (В. Белоцерковский // *Грани.ru*, 2006).

Быть может, данная закономерность объясняет, почему настоящее в русской культуре отмечено слабо: оно является средним, нейтральным членом оппозиции «прошлое – настоящее – будущее»:

- Если прошлое соответствует молодости, настоящее – зрелости, а будущее – старости, то Россия – это одновременно и молодая и старческая страна, незаметно минующая стадию зрелости (Хроноцид. Пролог к воскрешению времени (Lettre International (Берлин), окт. 1998).

В России будущее часто прорастает прошлым, минуя стадию настоящего.

2) Переворачивание оппозиции «прошлое – настоящее – будущее». В любом действии человека и государства как-человека должны сходиться, сплавляться все три цвета времени: прошлое, настоящее и будущее, становясь одним длящимся актуальным временем. Способность человека судить о времени позволяет образовать временное измерение, некую ось времени, на которой могут быть довольно точно размещены события. Текущий момент отмечает особую точку на этой оси, события прошлого размещаются до него, а события ожидаемого будущего – после этой точки. Актуальное время вбирает в себя прямую и обратную временные перспективы. Любое событие сначала выступает как будущее, потом – как настоящее, наконец – как прошлое, разыгрываясь во всех трех регистрах времени. Временные горизонты существуют в неразрывном единстве, дополняя и уточняя друг друга;

именно настоящее выступает границей совмещения двух других временных пластов: прошлого и будущего.

В ходе восприятия содержательные проекции временной перспективы «прошлое – настоящее – будущее» должны накладываться друг на друга, сливаясь в единое целое. Однако согласно дуалистической модели Лотмана-Успенского, «русская культура движется не сглаживанием и опосредованием оппозиций, а их переворачиванием» [Lotman, Uspensky 1985: 39]:

- Нигде проекты «поворота времен» не осуществлялись с такой безумной последовательностью, как в России, где жертвой взаимного «освобождения» будущего от прошлого делалось настоящее. По нему проходил кровавый рубец распавшейся связи времен. Настоящее здесь почти никогда не имело собственной цены, а воспринималось как отзвук прошлого или подступ к будущему (Хроноцид. Пролог к воскрешению времени (Lettre International (Берлин), окт. 1998).

В России модусы будущего и прошлого стыкуются прямо, без плавного опосредования в настоящем. То срединное, переходное состояние, в котором будущее и прошлое должны находить свою живую связь, отсутствует. К примеру, то, что еще вчера воспринималось как будущее – коммунизм, бесклассовое общество, – вдруг, не успев стать настоящим, становится прошлым, от которого нужно поскорее избавиться, как от тяжкого наследия и пережитка. И наоборот, то, что казалось далеким прошлым – свободный рынок, развитие капитализма, учредительное собрание, – вдруг перемещается в зону желаемого будущего:

- В России прошлое скрепляется непосредственно с будущим, как бы повисая над пропастью неощутимого настоящего (Хроноцид. Пролог к воскрешению времени (Lettre International (Берлин), окт. 1998).

И для большинства политиков современности прошлое и будущее более реальны, чем «непотребное, жалкое настоящее». Политические силы, тяготеющие к разным идеологическим полюсам, по-разному понимают Россию. Они видят существенно различные направления для выхода страны из настоящего кризиса, которые могут быть обозначены как

- «назад в СССР» (прошлое): Сегодня для молодых людей легенда о Советском Союзе — это мечта о Будущем, это Русская Мечта о новом творении, новом чело-

веке, о новом небе и новой земле. Сегодня в землю падают семена грядущего русского социализма, которые в нужное время взойдут и принесут свой плод (О. Дробышевская // Завтра №12 (329), 21 марта 2000).

- «назад в дореволюционное прошлое» (прошлое): В прошлом веке граф Уваров сказал об этом просто и ясно: «Православие, Самодержавие и Народность». Это государственность, это власть, которая народом осознается как своя власть, поскольку она будет отражать веру народа в добро и справедливость, чего никогда не даст власть республиканская. На практике это означает, что единственная власть органично присущая России — это Православная Самодержавная Монархия. Вот тогда можно будет сказать, что над Россией воссиял Крест и что Господь помиловал и воскресил Россию (А. Верховский // www.patriotica.ru, июль—август 1995).

- «вперед на Запад» (будущее): Я абсолютно убежден: нас не должно разъединять прошлое – переписать историю мы не можем. Задача сегодняшнего дня – совместно создавать будущее России и Евросоюза как партнеров и союзников. Россия к этому готова. Надеюсь, что такой же позитивный подход возобладает и в Европейском союзе (В. Путин // Известия, 23 нояб. 2006).

Русская цивилизация одновременно пессимистична, т.е. ориентирована на прошлое и футуристична, т.е. одержима жаждой будущего. Все в строгом соответствии с изречением Н. Бердяева: «Интеллигенция не могла у нас жить в настоящем, она жила в будущем, а иногда в прошедшем».

Но без «настоящего» бессмысленно выстраивать модели и концепции политического и экономического развития страны, поскольку любая новая смена правящих элит может вновь спровоцировать тотальное разрушение всего уже достигнутого, резкую смену вех и мучительный поиск своего особого исторического пути:

- Без ясной идеологии, ценностных ориентаций мы рискуем оказаться в плену нашей стародавней традиции: на историческом переломе, выстраивая новую жизнь, до основанья ломать и то лучшее, что было достигнуто при старом порядке вещей. При этом худшее как-то незаметно и тихо всегда приживалось и в новой жизни (Н. Слонов // Стратегия России №10, окт. 2005).

3) Психологическое восприятие времени человеком. Линейное время, общее восприятие временной перспек-

тивы «прошлое – настоящее – будущее», основано на взаимодействии с последовательностью событий. Человек и общество существуют в пространстве времен.

В прошлом:

- Советский Союз – наш дом и оплот, построенный великими усилиями всех народов и наций, спасший нас от позора и рабства в годы черных нашествий! (Ю. Бондарев // *Завтра* №20 (50), 12 дек. 2000);

- Русское время, текущее из полноты к трагедии, где древнее ценнее настоящего и где смысл настоящего в постоянном стремлении обратиться вспять, к корням, к истокам, к началу, к Слову (А. Дугин // *Завтра* №1 (318), 01 апр. 2000).

В будущем:

- Мы верим в будущее России и призываем вас разделить с нами эту веру. И строить с нами новую страну – сильную, нравственную и цивилизованную (К. Титов, председатель СДПР // *Уроки Первояма и будущее России*, 30 апр. 2003);

- Таковы ближайшие вехи нашего пути в безопасное, обеспеченное, достойное будущее. Мы верим, что России по силам пройти этот путь. Успех России – в наших руках! (предвыборная программа партии «Единая Россия» (2003);

- Человечество вступило в XXI столетие с тяжелым грузом прошлого и с большими надеждами на лучшее будущее. Вывести наше Отечество из всеобщей разрухи и кризиса, добиться его возрождения и расцвета – такую задачу ставит перед собой Либерально-демократическая партия России (предвыборная программа ЛДПР (2003).

В безвременье:

- Сейчас мы живем не в эпоху всесилья США, а в переходный период, период безвременья, когда одна эпоха противоборства двух систем уже закончилась, а другая еще не началась. Кто мы в это безвременье: заштатный Гондурас с ядерным оружием или все еще один из мировых политических центров? (Будущее создаем все мы: вопрос – какое? Аналитическая записка // <http://>);

- Россия сегодня на распутье (Ю. Рот // *Собеседник*, 02 сент. 2003).

Во времена временщиков, в межвременье:

- Ельцинизм — редкостный случай политического режима, сплоченного не каким-то идеальным проектом, не целостной идеологией с определенными программными установками, а мобилизацией низменного инстинкта временщиков (А. Зиновьев // *Завтра* № 01, сент. 2004);

- Потому-то нынешние кремлевские временщики и оказывают столь небывалое

покровительство и поддержку «русской» православной церкви (разумеется, за счет дальнейшего обнищания народа) (*Доброслав // Русская Правда* №1 (3), 1996);

- Меняются времена и регионы, страны и континенты, одни персонажи уходят с арены и уступают место другим временщикам, однако в принципе всегда происходит одно и тоже, везде моделируется и воспроизводится один и тот же и смысловой и эмпирический контекст (Е. Г. Соколов // *Метафизические исследования* № 2, 1997).

В параллельном времени:

- Пусти нас к власти и в стране возникнет параллельный мир, со своими экономикой, политикой и культурой. Пусть черномырдины или путины сходят с ума по нефтегазовой «трубе». Мы-то знаем, что главное богатство – интеллект и воображение. В нашем «параллельном мире» собрались бы русские технологии совместного творчества и думания (М Калашников // *Кредо говорящего ангела*, 01 июля 2005).

И практически никогда в счастливом настоящем времени. Возможно, данная особенность связана с нашим психологическим восприятием времени. Перебирая в памяти события минувших дней, мы наверняка найдем в них много счастливых дней, но как бы удивителен ни был день, проживаемый сегодня, счастливым мы его назовем, лишь когда он останется позади, станет прошлым. Человек всегда воспринимает настоящее более критично, чем прошлое и будущее. Мы каждый день просыпаемся с мыслью, что «завтра будет лучше, чем вчера».

Безусловно, к важным качествам линейного понимания времени как прошлого – настоящего – будущего относится способность принимать на себя долговременные обязательства, создавать и поддерживать сложные социальные структуры, планировать и предвидеть. Однако линейное осознание времени часто приводит к стремлению жить будущим, т. е. завтрашними делами и заботами. Человек и общество настолько увлекаются «планированием», что полностью теряют вкус к жизни и способность воспринимать ее во всей полноте сегодняшнего дня. Поэтому кажутся своевременными слова Ю. М. Лужкова:

- Мы помним наше великое прошлое. Мы мечтаем о нашем великом будущем. Но самое главное – пора создавать наше великое настоящее (Ю. Лужков // *Стратегия России* №12, дек. 2006).

Резюмируя все вышесказанное, мож-

но сделать следующий вывод: восприятие времени является важной особенностью, тесно связанной как со структурой сознания отдельного индивида, так и с типом социума. Временная перспектива разнообразными способами вплетается в поведение человека и государства-как-человека и определяет многие аспекты этого поведения. На политической сцене России в главных ролях театра времени – прошлое и будущее, что обусловлено определенными социокультурными предпосылками, индивидуальными предпочтениями различных политических сил, преследуемыми ими целями, а также специфическим восприятием времени человеком в целом. Настоящее мгновение, если и появляется на сцене, то, как правило, выступает в качестве основного отрицательного персонажа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Lotman Y. M., Uspensky B. A. The Semiotics of Russian Cultural History // Ed. by A. D. Nakhimovsky and A. S. Nakhimovsky. – Ithaca & London, 1985.

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Омск, 1999.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора). – Екатеринбург, 2003.

Щербаков М. Восприятие времени в эволюционно-структурной психологии // <http://www.psychology/ipd.ru>

© Солопова О.А., 2007

Джейн Хенсон

Колумбия, США

Перевод: Наумова И. А.

ГЛОБАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Abstract

The article in question dwells upon the problem of political socialization. The author focuses on political and societal messages and their influence on political participation. The article argues that the formation of the public must be studied from the holistic perspective.

Совсем недавно специалисты стали признавать, что идеи, влияющие на политическую и социальную жизнь общества, не всегда исходят от политических деятелей и кандидатов на выборах. Хотя большая часть научных исследований посвящается выборам президента; тем не менее, в последнее время в научных работах отмечается значительное влияние зрелищных и развлекательных ме-

роприятий и сайтов в Интернете на формирование мнений и взглядов американской общественности (Calavita 2003; Holbert 2005). Появление исследований, касающихся нетрадиционной политической коммуникации, должно привлечь наше внимание к возможности существования ошибочных подходов к изучению политической коммуникации. Авторы настоящей научной работы полагают, что для исследования вопроса формирования общественного сознания требуется целостный подход, и исследователи политической коммуникации имеют все условия для проведения подобной работы.

Поскольку большинство исследований проводится во время и вокруг выборных кампаний, специалисты, как правило, не рассматривают идеи, которые не имеют очевидного влияния, а также идеи, озвученные ранее, или в период между проводимыми кампаниями. Если бы специалисты стали исследовать идеи, исходящие от общества не только в период избирательной кампании, нам пришлось бы рассматривать всю совокупность идей в информационном пространстве масс-медиа. Несмотря на то, что в большинстве наших исследовательских работ приводятся доводы об отсутствии гражданского сознания, общественного недоверия и неучастия в политической жизни общества, реалистичный подход в оценке нашей текущей политической ситуации представляется весьма полезным по нескольким причинам.

Во-первых, мы должны признать взаимное влияние партийной принадлежности и политической идеологии. Если мы признаем что, президентские дебаты или телереклама не агитируют республиканцев голосовать за представителя демократической партии, это не нанесет большого урона предмету нашего исследования. Это не умаляет значимости идей, с которыми мы действительно имеем дело; но нас просто сочтут нерадивыми, если мы будем продолжать изучать влияние идей таким выборочным образом.

Поскольку мы исследуем коммуникацию, мы понимаем, что идеи, которые содержат убеждения, взгляды и мнения, окружают нас ежеминутно, где бы мы ни находились. Это «окружение» отвечает за наше быстрое и прочное овладение нашими собственными убеждениями. Например, прочная взаимосвязь между